

Леонид ГРИГОРЬЕВ «В поисках пути»

«Стратегия России», №2 2004, стр. 13-24.

Глобальная экономика велика и живет по своим законам – Россия важный ее элемент. Мировой валовой продукт в текущих ценах и по текущим валютным курсам достиг в 2004 году (оценки Международного валютного фонда) – 40 триллионов, а по паритетам покупательной способности – 53 триллиона долларов. Из них примерно 11 триллионов приходится на США; сопоставимая доля – у Европы; Китай производит один триллион с четвертью или вдвое по паритетам. Все развитые страны входят в группировку, именуемую Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). На ОЭСР приходится примерно 80 процентов мирового ВВП; в оставшейся части доминируют Китай и Индия в силу численности своего населения. Россия производит около 400 млрд. долларов ВВП по текущим курсам и втрое больше по паритетам покупательной способности – это стартовый пункт любого анализа положения России в современном мире.

Проблемы развития и модернизации российской экономики вышли в центр дискуссии на пятый год экономического подъема. Одной из проблем стало то, что при высоких темпах роста за последние 5 лет Россия имеет низкую норму накопления – примерно 21% ВВП – меньше всех соседей, много меньше стран которые имеют общее происхождение «от планового хозяйства»¹. Ускорение роста само по себе возможно при различных моделях развития, во всяком случае в краткосрочном аспекте. Обсуждение роста «валового внутреннего продукта» (ВВП) стало привычным и для неэкономистов, поскольку наше правительство использует его для оценки динамики роста экономики РФ². В цену товара входят стоимость сырья и топлива, транспортные издержки, амортизация оборудования,

---

¹ Л.М.Григорьев «Экономическое развитие и проблемы модернизации.» В «Обзор экономической политики в России за 2003 год», М., Теис, 2004, стр. 13-57.

² Речь, конечно, должна идти о реальном продукте в рублях (очищенном от инфляции и изменения курса доллара) – среднегодовой темп прироста, необходимый для удвоения каждые 10 лет, равен 7,2% .

зарплата всех тех, кто участвовал в его производстве, прибыль, налоги. Все это, за вычетом материальных, энергетических и транспортных издержек, и образует ВВП. Это очень существенный момент, что туда не входит сырье – цена продукта может быть очень велика, но если в нее входит в основном дорогое сырье, то люди здесь как бы и ни причем. В реальной практике многие политики путают удвоение ВВП – результат роста занятых и производительности труда – с ростом «производства». Величина ВВП на душу населения – это фактический показатель производительности труда и эффективности хозяйствования: кто много за год создает, тот экономически развит.

Существует еще и понятие паритета покупательной способности (ППС), который показывает разницу в образе жизни. Например, если подсчитать потребительские свойства российского образования (во что обошлось ваше обучение), здравоохранения (сколько стоило ваше лечение) и квартир, в которых вы живете, то получится, что вы потребили почти втрое больше, чем если считать по текущим ценам. Согласно расчетам МВФ на 2002 год, ВВП по текущим ценам составлял в России около двух с половиной тысяч долларов на душу населения, но с учетом ППС – почти 8 тысяч долларов в год. В Китае потребление по текущему курсу – тысяча долларов на душу населения, а по ППС – 2 тысячи, то есть вдвое больше. А в США оба показателя практически совпадают, в обоих случаях получится около 36 тысяч долларов.

Бедные страны – это страны с доходом на душу населения менее 1000 долларов в год. Из примерно 180 членов ООН – около 70 стран очень бедных. Принадлежность к этой группе определяется по трем критериям: во-первых, доход на душу населения менее 800 долларов; во-вторых, высокая детская смертность и низкий уровень образования (социальный индекс); в-третьих – неустойчивость экономики, например, ее зависимость от одной отрасли. Классический пример – Мальдивы с подушевым доходом в 2000 долларов. Казалось бы, страна уже богатая. Но все это богатство держалось только на туризме, который был, видимо, подорван катастрофической цунами 26 декабря 2004 г., а перед этим его резко снизила война в Ираке. Это и называется зависимостью от одной отрасли. Или, например, у страны есть квота на ловлю

тунца – стоит этой квоты лишиться, как ВВП немедленно падает и страна оказывается в группе слаборазвитых.

По ВВП принадлежит к этой группе половина «наследников» Советского Союза. Кроме России, Казахстана, Узбекистана, Туркмении, Армении и государств Прибалтики подушевой доход всюду ниже 800 долларов. Вполне можно было бы считать слаборазвитым государством Украину, несмотря на то, что уровень развития промышленности, образование населения сравнимы с российскими. Но по социальным показателям никто на постсоветском пространстве не соответствует критериям бедности ООН – все унаследовали от СССР сносный уровень медицины и образования. Вообще, как бы плохо ни жило общество, благосостояние учителя, врача и священника никогда не опускается ниже среднего для этого общества уровня.

Больше половины всех стран мира (включая Китай и Индию) – бедные, то есть имеют доход менее 1000 долларов на душу населения. Не следует путать это с абсолютной бедностью, верхняя граница которой – один доллар в день на душу населения. Подсчитано, что при таком доходе из этого доллара на потребление уходит восемьдесят центов в день. Страны с ВВП в 300-400 долларов (тот же доллар в день) попросту все проедают, развитие в них связано с внешней помощью и идет бесконечная борьба с бедностью.

ВВП собственно бедных стран – от 1000 до 3000 долларов. По текущим курсам в эту группу попадала бы и Россия, но у нас очень низкий курс рубля по сравнению с его реальной внутренней покупательной способностью.

ВВП среднеразвитых стран – от 5 до 10-12 тысяч долларов. ВВП в 3-5 тысяч долларов имеют часть государств пост советского пространства, значительная часть Латинской Америки и несколько стран Африки и Азии. 8-12 тысяч – это уровень основной части Восточной Европы, тех стран, которые сейчас присоединяются к ЕС и к НАТО: Польши, Венгрии, Чехии. Самая богатая страна Восточной Европы – Словения, с ВВП в 15 тысяч она уже смыкается с среднеразвитыми средиземноморскими странами: Испанией и Португалией.

Развитые страны Западной Европы имеют в среднем 20-25 тысяч долларов на душу населения, то есть в десять раз больше нас по текущему курсу. Есть

отдельные страны с еще большим ВВП, в 35-40 тысяч. Но важны не столько конкретные показатели, сколько сам порядок величин.

Существенно и распределение доходов по социальной структуре. Всякая достаточно долго существующая страна имеет свою богатую элиту. В развитых странах на верхние 10 процентов населения (то есть на самых богатых) приходится примерно 25 процентов дохода. Для ориентировки можно принять за норму распределение населения по доходам в пропорции «двадцать-сорок-сорок». 20 процентов самых богатых, 40 процентов – середина, еще 40 процентов – относительно бедных. В развитых странах на эти группы приходится, соответственно, «сорок-сорок-двадцать» процентов доходов. То есть на 20 процентов самого богатого населения в развитых странах – 40 процентов доходов, в середине – 40 на 40, процент на процент, и внизу на 40 процентов бедных – 20 процентов доходов. Нижние 10 процентов населения во всем мире бедные – на них приходится по 2-3 процента всех доходов.

Специфика российского распределения доходов в том, что мы, с одной стороны, вроде как в Европе, но с другой – похожи на страны Латинской Америки³. Вместо европейского «двадцать-сорок-сорок» наше население распределено по доходам в пропорции «50-35-15». На верхние 20 процентов населения у нас приходится 50 процентов всех доходов; на средние 40 – 35 процентов, то есть меньше, чем процент на процент; а на нижние 40 процентов – 15 процентов доходов. Понятно, что это не самая оптимальная социальная структура. При этом верхние 10 процентов нашего населения имеют 35 процентов всех доходов – столько же, сколько в Аргентине и Бразилии. Как вы знаете, для неравновесных стран Латинской Америки характерны военные перевороты, неустойчивые демократии и масса социальных проблем.

Структура распределения доходов в России – латиноамериканская, хотя расположены мы в Европе, хотя мы – великая держава, имеющая ядерное оружие и постоянное место в Совете Безопасности, хотя мы входим в «восьмерку». Но наш ВВП в среднем в десять раз меньше по текущим курсам, чем в развитых

---

³ Л.М.Григорьев «Каков же на самом деле новый русский капитализм?» В «Пути России: существующие ограничения и возможные варианты», М., МВШСЭЖ, 2004, стр.40-44.

странах, или примерно в четыре раза ниже по покупательной способности населения. Конечно, со своими 8000 долларов реального ВВП Россия живет гораздо лучше, чем бедные страны Африки, примерно на уровне Латинской Америки и Восточной Европы. Если искать страну, наиболее похожую на нас и уровнем развития, и структурой экономики, и не слишком удобной конституцией, то это – Бразилия. Возьмите любые данные по Бразилии, напишете рядом наши – и обнаружите, что это почти одно и то же.

Но принципиальное отличие в том, что нижние сорок процентов населения Бразилии – вообще необразованные, причем не существует никакого простого и дешевого способа такую ситуацию изменить, так что необразованность и бедность в Бразилии постоянно воспроизводятся. Итак, по социальной структуре мы ближе к Латинской Америке, по культурной традиции – к Европе, а по политическому статусу Россия, как наследница СССР, который вложил бешеные деньги в создание разных бомб и ракет, – великая держава, член Совета Безопасности.

Разрыв между богатыми и бедными странами составляет 40-60 раз. Разрыв между богатыми и бедными регионами внутри самой России – примерно такой же, из чего вытекает масса внутренних политических, экономических и прочих проблем. Москва по Валовому региональному продукту уже догнала Португалию, а Самарская область – Польшу, тогда как экономика многих регионов развивается очень медленно и зависит от перераспределения от других регионов. Проблема регионального выравнивания – это, конечно, не выравнивание бюджетной обеспеченности, а создание условий для быстрого роста ведущих регионов, которые бы вытягивали остальных – например, равномерное региональное просто невозможно.

Структура российской экономики создавалась в советское время и создавалась, условно говоря, под потребности времен Второй мировой войны, потому что не только генералы, но и, к сожалению, экономисты всегда готовятся к прошлой войне. В течение в течение полувека, с 1930-х по 1980-е, тяжелая промышленность строилась в расчете на глобальное противостояние. И помимо ракет производилось огромное количество никому не нужных танков,

следовательно, и огромное количество титана и алюминия. С другой стороны, страна наша большая и длинная, в ней проще возить по железным дорогам, чем прокладывать шоссе. Хотя мы все больше предпочитаем автомобили, но по инерции почти не строим дорог.

Некогда Советский Союз фактически контролировал (политически) некий большой экономический лагерь, куда входили Восточная Европа плюс к нему на разных основаниях примыкали не слишком развитый тогда Китай, входили Вьетнам, страны Африки и даже Латинской Америки. Китай – особая статья, но и без него общее население «лагеря» достигало 600-700 миллионов человек. СССР их субсидировал, передавал им патенты, обучал их специалистов, и т. д. Они покупали наше оборудование, эти покупки мы разными способами субсидировали, и все советское машиностроение было построено таким образом, чтобы снабжать этот огромный ареал сравнительно неразвитых стран. До формирования социалистического лагеря этот блок снабжали машинами и потребительскими товарами страны развитой Европы.

А в 1950 - 1990 годах СССР с Чехословакией и ГДР образовывали промышленный центр большого политического блока, который обеспечивал всю свою периферию одновременно и дешевой нефтью (что было частью скрытого субсидирования), и оружием, и машинами и оборудованием. А когда вся эта политическая система развалилась, российское тяжелое машиностроение и металлообработка потеряли политически контролируемые рынки сбыта. Если не брать производство автомобилей, то весь огромный сектор машиностроения так до сих пор и не вышел из кризиса переходного периода. Хотя последние три года происходит значительный, на 10-15 процентов, рост его продукции, стартовал этот рост с очень низкого уровня. Без автомобилей, производство которых удержалось на высоком, примерно 70-80 процентов от докризисного уровне, продукция нашего машиностроения и металлообработки сократилась в 5-6 раз. Наверное, можно было удержать некоторые рынки, на которых привыкли пользоваться советским оборудованием, но это предполагало бы осмысленную промышленную и экспортную политику России в 90-х годах, включая экспортное

финансирование и кредитование (например, атомных электростанций), хорошую организацию на уровне компаний. Фактически этого не было сделано.

После распада СССР мы живем в более компактной стране. России в наследство досталось около 80 процентов территории СССР, соответственно, и большая часть природных ресурсов. За пределами России серьезными природными ресурсами располагает только Казахстан; в Туркмении и Узбекистане есть газ; все прочие природные ресурсы не имеют значительного масштаба. России досталось около 60 процентов оборудования, физических активов – немало промышленной продукции производилось и на Украине, в Белоруссии, в Армении, кое-что выпускалось в Прибалтике. В Латвии закрыли три замечательных советских предприятия, на которых можно бы сейчас хорошо зарабатывать: завод рижских электропоездов; завод по производству радиоприемников, выпускавший знаменитую «Спидолу»; и завод по производству «Рафиков», этих маленьких автомобилей, на которые сейчас был бы бешеный спрос.

Итак, Россия получила 60 процентов активов, 60-65 процентов промышленного производства, примерно 50 процентов сельского хозяйства, – и всего 51 процент советского населения. Другая половина населения СССР осталась в основном в Средней Азии и на Украине. Большая территория и относительно небольшое население – момент очень существенный. И сейчас происходит большая миграция в Россию, причем это классическая миграция активной рабочей силы в районы с высокой экономической активностью, точно такого же типа, как миграция в Америку с конца XIX века или миграция в Европу после Второй мировой войны.

Все переписи в постсоветских странах показывают, что за пределами России меньше населения, чем считалось, – в сумме примерно на два миллиона меньше. А у нас на два миллиона больше. Пока это немного. В США – 10-12 миллионов нелегальных иммигрантов, в Европе – несколько миллионов турок, несколько миллионов сербов, несколько миллионов алжирцев во Франции, миллион курдов, полмиллиона арабов в Бельгии.

Китайцев в России сейчас около четверти миллиона, но по-настоящему они к нам еще не приходили. Вот в США в окрестностях Сан-Франциско компактно живет полмиллиона китайцев, которые не говорят по-английски, потому что они живут среди своих, им не нужно знать английский, чтоб найти работу или жениться. Анклавы, как во Франции – это еще не компактное расселение, жители анклавов адаптируются к внешней среде. А при компактном расселении мигранты перестают учить местный язык и живут уже своей жизнью.

Думаю, в России находится еще несколько миллионов незарегистрированных нашей переписью мигрантов или мигрирующих сезонно. Это грузины, азербайджанцы, армяне. В больших объемах белорусы ездят (им переселяться не обязательно, и так близко), очень много вокруг Москвы таджиков, которые когда-то бежали от своих конфликтов. И очень много людей с Украины. Так что активная рабочая сила из СНГ в значительной мере нашла себе занятие именно в России. Так что мы экспортируем наиболее образованных людей и молодежь в развитые страны и ввозим в общем недорогую рабочую силу на низкооплачиваемые должности – это нормально.

Мигранты создают проблемы, но совсем другие проблемы, чем в Германии. Туда переезжают турки, курды и сербы, которые не говорили по-немецки и не знали немецких обычаев. А к нам едут люди, которые сносно говорят по-русски, многие выросли в СССР и окончили советские школы. Они адаптируются очень быстро. К нам приходит достаточно хорошая рабочая сила из СНГ, активная, очень много людей с высшим образованием заняты у нас, особенно в первые годы, на черной работе. Потом они адаптируются, многие закрепляются, начинают зарабатывать, становятся бизнесменами у нас или там, у себя дома – это уже разные модели адаптации.

В бывшие советские республики сейчас уходит почтовыми переводами порядка десяти миллиардов долларов в год – от тех людей, которые в России работают. При этом мы продолжаем снабжать эти республики дешевым газом. Всего три страны мира притягивают сейчас такое количество внешней рабочей силы – США, Саудовская Аравия и Россия. Из США вывозится миллиардов

тридцать, из Саудовской Аравии – миллиардов шестнадцать. То есть в этом отношении мы в хорошей компании.

Это вполне нормально, так устроен мир. Если ВВП Украины на душу населения – 600 долларов в год, а у нас – 2500, то налицо четырехкратный перепад даже в видимом образе жизни. Остановить человека, который, переместившись через практически открытую границу, начинает зарабатывать в четыре раза больше, невозможно, этого еще никому и никогда не удалось сделать. На самом деле, они, видимо, получают здесь намного меньше наших. У большинства положение на рынке труда в общем бесправное. Практически их нанимают задешево, для нашего бизнеса дешево, и в результате наживается на мигрантах именно он. Основная проблема с мигрантами всегда и везде состоит в том, чтобы легализовать их экономическую деятельность, зарегистрировать их, получить налоги с них и с их работодателей. Последний закон о пребывании без регистрации до 90 дней – шаг в правильном направлении, но очень важно «найти» всех иностранцев налоговой инспекции.

То, что они вывозят деньги, – не так плохо для нас, потому что мы заинтересованы в том, чтобы СНГ развивался как наш рынок. Пусть они что-нибудь у нас сделают, что-то заработают и вывезут – у нас же потом что-то на эти деньги и купят. Но главное, все-таки, в том, что все мигранты, и в США и в Саудовской Аравии, создают намного больше, чем вывозят. В этом, собственно, и состоит вся логика трудовой миграции.

Правда, появляется другой тревожащий момент: расщепление рынка труда. В ряде случаев россияне уже начинают вести себя, как европейцы, особенно в Москве. Попробуйте нанять москвича в дворники, или на работу в Тюмень вахтовым методом. Отсюда жалобы на то, что мигранты занимают российские рабочие места за счет дешевизны. Москва и Петербург по обустройству, по уровню образования, уровню жизни, уровню производительности труда мало чем отличаются от Польши, и в принципе европейскую часть России можно было принимать в ЕС. В Москве найдется работа для любого нормального человека. Но на места, сравнительно высокооплачиваемые за счет тяжести труда, москвичи идти не хотят. И здесь обозначилась тенденция замещения их русскоязычными

мигрантами. Появились целые сегменты на рынке труда, где более квалифицированные мигранты работают на простых должностях – в Москве автобусы и троллейбусы водят белорусы и украинцы. Но в других сегментах россияне и готовы бы работать, но только в лучших условиях и за лучшие деньги. Это и есть конкуренция. Мигранты соглашаются на худшие условия, бизнесмены берут на работу тех, кто дешевле, и это хорошо. От прихода мигрантов в плюсе и бизнес, и страна в целом.

Теперь посмотрим, чем именно Россия включена в мировую экономику. Мы держимся на втором месте в мире по экспорту вооружений, все время между США и Францией, иногда даже выскакивали выше, конкурируя с французами и с американцами. Вооружения мы умеем делать хорошо – так получилось исторически, Российская империя формировалась как милитарная держава – российская артиллерия, например, уже с Екатерины II была лучшей в Европе. И поэтому даже при низком государственном финансировании оборонных отраслей Россия сохраняет серьезные позиции на мировом рынке вооружений. Но мы теряем некоторые смежные позиции, которые могли бы удержать: по атомным реакторам, по электростанциям. Никто не купит реактор за наличные, это слишком дорого; строительство АЭС нужно кредитовать и тем самым поддерживать экспорт своих конкурентоспособных отраслей. Но системы экспортного финансирования у нас не создано не было.

Второе направление, на котором мы включены в мир и, так сказать, активно помогаем человечеству, – это люди. В Германии сейчас примерно два миллиона выходцев из СССР, в США – около миллиона (всех их там зовут «русскими» независимо от национальности). Туда уходит самая активная рабочая сила. Почему снова выросли конкурсы на физфак, мехмат, биофак и т.п.? Потому что появился новый тип карьеры: наше техническое образование по-прежнему высококлассное, и, получив его, люди уезжают на Запад.

Уровень образования в России все еще выше, чем в среднем по миру, но быстро отстает за счет низкого научного компонента, отсутствия оборудования. В последние три года у нас вообще стали принимать в вузы столько же людей, сколько их выпускает средняя школа. Мы побили в этом смысле даже

американские стандарты. Зачем стране такое количество образованных людей, совершенно непонятно, что с ними делать, никто не знает, рабочих мест под высшее образование страна не создает.

Но наши люди хотят получать образование, и отнять у них эту возможность нельзя. Говорю даже не о колледжах – большинство их выпускников получает достаточно низкий уровень образования в сфере *business administration* и рассасывается по сфере услуг. Не о школах – старые учителя вымирают, а новые не способны стать полноценной заменой; качество преподавания математики и языков, особенно в провинции, падает, потому что прежние учителя ушли в бизнес английского языка. С другой стороны, пришли компьютеры, CD-ROMы, и теперь можно попробовать выучить язык самому.

Но на экономический кризис 1990-х страна отреагировала не снижением уровня образования, а его приспособлением к новой экономической структуре. Жители России заявили спрос на образование, и это дает надежду на будущее. В конце концов, проблемы экономической политики как-нибудь да утрясутся. Страна, перестав быть центром огромной политической системы, мучительно, но адаптируется к своей новой роли на мировой арене.

Конечно, сейчас сливки физиков, биологов, экономистов из России уходят, но в абсолютных цифрах это все же очень небольшое число людей. Лучшие наши студенты сильнее западных, но там система образования построена иначе и лучше адаптирована к рынку. Но по базисному образованию российское образование еще способно работать, и экономическая эмиграция из России последних 15 лет это подтвердила - наши люди оказались на Западе абсолютно конкурентоспособными.

Биологическая наука в среднестатистическом американском штате, в какой-нибудь Оклахоме, использует массу приезжей рабочей силы, включая наших молодых кандидатов наук. А здесь, в России, остались профессора, которые продолжают готовить людей на экспорт. Каждый год уезжают и экономисты – современный уровень развития экономической науки таков, что требует знаний на уровне мехмата, но на практике задачи, для решения которых такие знания

нужны, существуют в развитых странах. Мы экспортировали значительную часть своего среднего класса⁴.

Третье направление – это энергетика. Но все наше богатство висит на нефти Тюмени и Сахалина, экспорте алюминия (дешевая электроэнергия), химических продуктов (дешевый газ). Причем валовой региональный продукт (ВРП) Москвы коррелирует с мировой ценой на нефть лучше, чем ВРП Тюмени. То есть в нефтяных и прочих сырьевых регионах остаются определенные ресурсы, но значительная часть инвестируемых средств оказывается за рубежом в Москве⁵. Если поделить ВРП Москвы на число занятых в Москве, получится величина, в четыре раза большая, чем в среднем по Центральному федеральному округу (исключая Москву). Понятно, что так не бывает и что производительность труда не может меняться в четыре раза с пересечением МКАД. Просто в Москве показывается масса доходов, которые созданы в других местах, прежде всего в нефтяных регионах. Судить о масштабах этого перетока можно по динамике ввода жилья: в 1995 году на Москву и Московскую область приходилось 12 процентов вводимого жилья в стране, а в 2002 году – 27 процентов с лишним; сегодня в Москве и Московской области строится больше чем каждый четвертый квадратный метр площади в стране.

Будущее России висит на энергетике по одной простой причине: это единственная сфера, где мы имеем устойчивые будущие доходы. За годы экономического подъема мы не продвинули на мировой рынок ни одного нового обработанного товара, мы не производим очень немного, что было бы конкурентоспособно с европейской, американской, китайской продукцией. В структуре нашего экспорта почти нет наукоемких товаров.

Итак, мы экспортируем одновременно нефть, доходы от нефти и образованных людей. Переезд нашего биолога отсюда, где он получает в лучшем случае 5 тысяч долларов в год, в США – это переезд за доходом в 50-100 тысяч долларов. В экономической науке такое перемещение именуется релокацией с

---

⁴ Л.М.Григорьев, Т.М.Малева «Средний класс в России на рубеже этапов трансформации.». «Вопросы экономики», № 1, 2001, с. 45-61.

⁵ Л.М.Григорьев «Прямые ввоза и кривые вывоза». «Финансовый контроль», Москва, сентябрь 2004, стр.114-119.

целью повышения эффективности. Отправляя огромное количество людей за границу, мы повышаем эффективность глобальной экономики, но не своей собственной. Россия имеет принципиально два ресурса – человеческий капитал и природные ресурсы, но используем только второй.

Мы экспортируем больше половины своей нефти, треть газа, огромное количество леса и бумаги, большую часть цветных металлов и значительную часть черных металлов, потому что практически использовать их внутри страны негде. И мы не можем изменить свое место в глобальной экономике – место поставщика сырья. Все, что мы производили в 1980-х, не было принято мировым рынком по свободным ценам, а ничего нового мы с тех пор толком не сделали – были заняты совсем другим. Это одна из трагедий этого перехода – мы решили многие проблемы, но не проблему модернизации экономики, она остается, и решать ее новому поколению.

С 2004 года мы вышли на первое место в мире по добыче нефти, обойдя Саудовскую Аравию, причем мы еще и один из крупнейших производителей газа и крупнейший его экспортер. Когда мы экспортируем химикаты, удобрения, черные и цветные металлы, мы на самом деле тоже экспортируем энергию. Производство металлов здесь, в России, – это практически упаковка дешевой электроэнергии в железо и медь. С учетом суммарно нефти, газа, угля и электроэнергии, «упакованной» в алюминий и химические товары Россия – главный источник энергоресурсов в мире сейчас и потенциально в будущем. Добыча нефти растет сейчас в Западной Африке (Нигерия, Ангола), на шельфе Карибского моря, могла бы расти и на Аляске, но американцы не открыли свои заповедники для нефтедобычи. А в наших полярных районах – огромные недоразведанные запасы нефти и газа. Сейчас их очень дорого добывать. Но потенциально Россия представляет собой некий мировой резервуар углеводородов.

Основной продукт будущего энергетического экспорта – сжиженный газ. Сейчас на пути от Таймыра до Рейна 40 процентов газа сжигают, чтобы протолкнуть его по трубе. Но уже появились новые двухкорпусные танкеры, и в ближайшем будущем мировое хозяйство перейдет с трубопроводов на перевозку

сжиженного газа танкерами. Шанс России в мировой экономике – в том, чтобы продолжать экспортировать в разумных пределах энергию, и прочие энергетические товары.

Конечно, в начале 1990-х мы везли на экспорт металлолом и дрова. В последующие 10-15 лет наши металлургические и деревообрабатывающие комбинаты, бумажные фабрики и т. д. облагородили свой экспорт – теперь это, например, красиво упакованная мерная доска, продаваемая уже много дороже. То же с металлами: оцинковали, и пошел уже нормальный лист. Но из этого листа мы мало что делаем внутри страны.

Россия заняла за 15 лет переходного периода не слишком блестящее место в мировой экономике – последние 5 лет подъема его скорее закрепили, чем улучшили. Страна потребляет, но недостаточно интенсивно модернизируется. Экономические программы недостаточно далеко глядят в будущее и не ищут решения на ряд тяжелых проблем развития. Историческая задача нашего поколения в том, чтобы найти способ реинвестировать доходы от сырья и энергии, которые мы вывозим, – в машиностроение, в металлообработку, в наукоемкую продукцию, создав новые производства, которые были бы конкурентоспособны на мировом рынке и соответствовали бы уровню образования в стране.

Ключевая проблема России при жизни ближайшего поколения – как создать и в каких отраслях и регионах создать рабочие места в России на деньги, полученные от сырьевого экспорта. За всеми сегодняшними дебатами по экономической политике стоит именно этот вопрос проблема: как реинвестировать доходы от нефти, от газа, от металлов и удобрений и т. д. в создание нормальных рабочих мест внутри страны⁶.

У России много ресурсов, но немного вариантов их использования. Один способ – это продолжать рост потребления, модернизировать армию и усилить свой военно-политический престиж в мире. На нефтяные деньги это можно делать без больших проблем, пока цены высоки. Другой способ – попробовать завершить переход, так сказать, в нормальную Европу, выйдя из той колеи, куда

---

⁶ Л.М.Григорьев «В поисках пути». «Стратегия России», №2 2004, стр. 13-24.

мы съехали со времен Великой Октябрьской революции. Стоит попытаться создать нормальное гражданское общество, нормальные университеты, создать рабочие места, на которых будет задействовано высокое образование, и будет выпускаться достаточно сложная продукция. Это очень сложно и нет простых ответов по борьбе с «голландской болезнью», но альтернатива – оставаться там, где мы есть.

Макроэкономические показатели 1997–2003 гг.

Показатели	Средняя за 1997–1999 гг.	Средняя за 2000–2003 гг.	1999	2000	2001	2002	2003	2004*
Темпы прироста, % ВВП	0,7	6,8	6,4	10,0	5,1	4,7	7,3	6,8
Промышленное производство	2,4	6,8	11,0	11,9	4,9	3,7	7,0	6,4
Инвестиции в основной капитал	-2,3	10,2	5,3	17,4	8,7	2,6	12,5	10,9
Конечное потребление домохозяйств	-0,5	8,4	-2,9	7,3	10,1	8,8	7,4	11,3
Инфляция (декабрь к декабрю), потребительские цены	40,8	16,4	36,5	20,2	18,6	15,1	12,0	11,5
Уровень безработицы (МОТ), %	12,5	8,8	12,6	9,8	8,9	8,6	7,9	7,4
Дефицит федерального бюджета, % ВВП (+ профицит)	-4,7	1,8	-1,1	1,3	3,0	1,4	1,6	4,8
Внешний долг, % к ВВП	59,2	41,0	82,0	57,5	44,1	35,9	26,4	23
Торговый баланс, млрд. долл.	22,5	53,6	36,0	60,2	47,9	46,3	60,0	78,0
Цена на нефть (сорт Urals), долл. за барр.	15,9	25,1	17,2	26,6	22,9	23,6	27,3	35,0
Валютный курс, руб./долл., на конец периода	17,9	29,9	27,0	28,2	30,1	31,8	29,5	27,7
Золотовалютные резервы, млрд. долл.	14,0	47,3	12,5	28,0	36,6	47,8	76,9	120
Ставки по кредитам, %, в среднем за период	37,9	17,6	40,1	24,3	17,9	15,7	12,6	10,9
Рейтинг S&P (конец года)			SD	B-	B+	BB	BB+	BB+
Рейтинг Moody's (конец года)			B3	B2	Ba3	Ba2	Baa3	Baa3

Источники: Госкомстат, Банк России, Минфин.

* - оценка

*ГРИГОРЬЕВ Леонид Маркович,
президент Ассоциации независимых центров экономического анализа
декан факультета менеджмента Международного университета
член Аналитического совета Фонда «Единство во имя России»,
член редколлегии журнала «Стратегия России»*